

Рубан А.

– кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

УДК 821.161.1-32.09''18''

ЧАЙ, ВАРЕНЬЕ И СПИРТЫ

(гастрономические мотивы в «Записках охотника»

И. С. Тургенева). Статья первая

В статье предложен анализ гастрономических мотивов (чаепития) в «Записках охотника» И. С. Тургенева. Автор исследования показывает, что чаепитие в цикле – знаковая ситуация с богатой семантикой, позволяющая рассматривать эту трапезу как элемент русского быта, сознания и национальной ментальности.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, цикл, образ, мотив, национальные традиции, быт.

Рубан А.

– кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови та літератури Донбаського державного педагогічного університету

ЧАЙ, ВАРЕННЯ ТА СПИРТИ

(гастрономічні мотиви у «Нарисах мисливця» І. С. Тургенєва).

Стаття перша

У статті запропоновано аналіз гастрономічних мотивів (чаювання) у «Нарисах мисливця» І. С. Тургенєва. Автор дослідження доводить, що чаювання у циклі – знакова ситуація з різноманітною семантикою, яка дозволяє розглядати цю трапезу як елемент російського побуту, свідомості та національної ментальності.

Ключові слова: І. С. Тургенєв, цикл, образ, мотив, національні традиції, побут.

Ruban A.

– Candidate of Science (Linguistics), Associate Professor, Russian Language and Literature Department,
Donbas State Teachers' Training University

TEA, JAM AND ALCOHOL (gastronomic motives in I. Turgenev's "Sketches from a hunter's album"). Article one

The article presents an analysis of gastronomic motives (tea meals) in I. Turgenev's "Sketches from a hunter's album". The author proves that a tea meal in the cycle is a significant situation with rich semantics, which allows consider this meal as an element of Russian everyday customs, consciousness and national mentality.

Key words: I. Turgenev, cycle, image, motive, national customs and traditions.

Постановка проблемы. «Записки охотника» И. С. Тургенева широко известны и довольно глубоко изучены. Но есть отдельные элементы содержания цикла, которые обращают на себя внимание, но пока не стали предметом анализа. К ним можно отнести традиционные ситуации, в которых отчетливо проявляются особенности национального уклада и национального характера. Это всевозможные трапезы, гастрономические пристрастия.

Анализ последних публикаций. Наиболее полное и глубокое проникновение в сложный художественный мир И. С. Тургенева становится возможным благодаря мотивному анализу его произведений. Так, анализируются музыкальные мотивы, мотивы смерти, образы цветов, водные мотивы и пр. Но подтверждением тезиса «Тургенев – мастер художественной детали», считаем, является и мотив русского чаепития и не только. Однако работ, посвященных этой теме, в современном тургеневедении нет. В этой связи изучение гастрономических мотивов «Записок охотника» могут дополнить представление о Тургене-бытописателе, а также углубить широко представленную в русской классике и изучаемую сегодня «гастрономическую» категорию, в бытовой оболочке которой просматривается, однако, и онтологическое содержание [1; 2; 3; 5; 6; 7 и др.].

Цель статьи – исследовать гастрономические мотивы (чаепитие) «Записок охотника» И. С. Тургенева, рассмотреть их семантику и поэтику.

Изложение основного материала. В мировой культуре представлены различные варианты чайного застолья: английский «five-o'clock tea», японская и китайская чайные церемонии, русское семейное чаепитие. В русской литературе «чай распивали» герои А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и др. Не исключением будет и представленное чаепитие в мире «Записок охотника» И. С. Тургенева.

В цикле чаепитие – прежде всего временная веха: «на другой день мы тотчас после чаю отправились на охоту» [4, с. 7]; «на заре Федя разбудил меня... – Самовар тебе готов,.. пойдём чай пить» [4, с. 9] («Хорь и Калиныч»); «... он не хотел меня отпустить без завтрака на английский манер... Вместе с чаем подали нам...» [4, с. 101] («Бурмистр»); «тотчас после ухода нежданной гостьи бедная помещица отправилась в баню, напилась липового чаю и легла в постель» [4, с. 153] («Татьяна Борисовна и ее племянник»); послеобеденный чай разливают Ольга («Мой сосед Радилов»); вечером «хлопотала за чаем» Вера («Гамлет Щегровского уезда»); за вечерним чаем снимает опалу со «сродственника» однодворец Овсянников.

Важной особенностью чайной церемонии у Тургенева, как и везде на Руси, является ее продолжительность: «Овсянников важно и медленно выпивал чашку за чашкой» [4, с. 53] («Однодворец Овсянников»); «– А вы уж пили чай? – спросил он меня. – Пил. – А еще раз для компании не угодно? Я согласился. Толстый рыжий самовар в четвертый раз появился на столе» [4, с. 185].

Чаще всего чай в «Записках охотника» оказывается приметой быта, традиционным проявлением гостеприимства; его в большинстве случаев подают гостю: «... работник на траве поставил самовар и, присев на корточки, начал усердно дуть в трубу... Мельник побежал будить жену, предложил мне сам, наконец, переночевать в избе...

Скоро закипел самовар, и мы принялись пить чай» [4, с. 18] («Ермолай и мельничиха»). В холодную пору чай согревает тело и убажывает душу: «Еще издали, сквозь частую сетку дождя, заметил я ... по всей вероятности жилище старосты, куда я и направил шаги свои, в надежде найти у него самовар, чай сахар и не совершенно кислые сливки» [4, с. 112] («Контора»). По старинному русскому обычаю за чаем обговаривают сделку: «– Лошадок тебе? Изволь, батюшка, изволь... Да не хочешь ли ко мне сперва чайку зайти напиться? Я отказался и поблагодарил. – Ну, как тебе угодно. Ты меня, батюшка, извини: ведь я по старине» [4, с. 147] («Лебедеянь»). Так, в представлениях людей, простых и естественных, чаепитие объединяет, нивелирует социальный статус: «И живет-то купец по простоте, по русскому, по-нашенскому: поедешь с ним в дорогу, – он пьет чай, и ты пей чай; что он кушает, то и ты кушай» [4, с. 116] («Контора»).

Чай может быть и средством сближения людей: «... Хорь гораздо ласковее вчерашнего обошелся со мной. – Самовар тебе готов, – сказал он с улыбкой, – пойдем чай пить» [4, с. 9] («Хорь и Калиныч»). За чаем герои беседуют и откровенничают («Жар меня томил; я предвидел бессонную ночь и рад был поболтать с добрым человеком. Подали чай. Пустился мой доктор в разговоры» [4, с. 32]; «Право, не знаю, как бы вам изложить-с... (Он снова понюхал табаку, крякнул и хлебнул глоток чаю.) Скажу вам без обиняков, больная моя... ну, полюбила, что ли, меня... (Лекарь потупился и покраснел.) ... Он допил стакан чаю и заговорил голосом более спокойным» [4, с. 34, 35] («Уездный лекарь»)), «хвастаются» родственниками («... Татьяна Борисовна, за чаем, велела племяннику показать гостю свои рисунки» [4, с. 156] («Татьяна Борисовна и ее племянник»)).

И. С. Тургенев использует традиционный для русской литературы мотив совместного чаепития (соседского, дружеского, по случаю гостей). Такая трапеза становится символом семейного уюта, домашности, несуетности: «Вера хлопотала за чаем; самовар затейливо шипел, словно чему-то радовался; с веселым треском ломались крендельки, ложечки звонко стучали по чашкам; канарейка, немилосердно трещавшая целый день, внезапно утихала и только изредка чирикала, как будто о чем-то спрашивала... А я сидел, сидел, слушал, слушал, глядел, сердце у меня расширялось, и мне опять казалось, что я любил» [4, с. 217] («Гамлет Щегровского уезда»). Традиционно в чайной церемонии доминирует женщина, это ее право и обязанность: «Мы начали было толковать о ... как вдруг у двери раздался голос Ольги: "Чай готов". Мы пошли в гостиную. ... Мать Радилова вязала чулок. Ольга хлопотливо разливала чай» [4, с. 43–44] («Мой сосед Радилов»).

Но чаепитие не просто обычай или примета быта. Оно может выступать и как знак уважения и благодарности: «... Больную следует оставить в покое. Мы вышли все на цыпочках... А в гостиной уж самовар на столе... Подали мне чай, просят остаться ночевать» [4,

с. 32] («Уездный лекарь»); «– Напой его чаем... Не глупый малый ... и душа добрая» [4, с. 56] («Однодворец Овсянников»). Как последнее утешение и «земную радость» чай предлагают тяжело больным: «Завозился больной на печи, подняться хочет, а весь в ранах, при смерти. "Лежи, лежи, лежи... Ну, что? как?" – "Вестимо, плохо", – говорит. "Больно тебе?" Молчит. "Не нужно ли чего?" Молчит. "Не прислать ли тебе чаю, что ли?" – "Не надо" [4, с. 163] («Смерть»)) (аналогичная ситуация будет представлена Тургеневым и в начале романа «Рудин» – *А. Р.*). Но в «Записках охотника» чай получает и отрицательную коннотацию – им «награждают» с барского плеча: «... не было еще такой горничной у моей жены... Зато уж и жена ее даже, признаться слишком баловала; одевала отлично, кормила с господского стола, чаем поила...» [4, с. 21] («Ермолай и мельничиха»).

По наличию чая и чайному ритуалу определяется социальный и семейный статус. Так, самовар свидетельствует о зажиточности крестьян: «– Самовар у кого-нибудь на деревне есть? – Как не быть самоваров, – с важностью возразил малый в сером кафтане, – ступайте к отцу Тимофею, а не то в дворовую избу, а не то к Назару Тарасычу, а не то к Аграфене-птишнице» [4, с. 113] («Контора»). «Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету» [4, с. 128], – говорит Бирюк в одноименном рассказе, чем подтверждает свое холостяцкое житье и бедность.

Русское чаепитие у дворян и крестьян не очень кардинально, но все-таки различается. Утренний, послеобеденный и вечерний чай в дворянском быту – это отдельное застолье, несуетливое времяпрепровождение за беседой: «– Станемте лучше чай кушать... Он замолчал. Подали чай. Татьяна Ильинична встала со своего места и села поближе к нам. В течение вечера она несколько раз без шума выходила и так же тихо возвращалась. В комнате воцарилось молчание. Овсянников важно и медленно выпивал чашку за чашкой» [4, с. 53] («Однодворец Овсянников»); «... у двери раздался голос Ольги: "Чай готов". Мы пошли в гостиную. Федор Михеич по-прежнему сидел в своем уголку, между окошком и дверью, скромно подобрал ноги. Мать Радилова вязала чулок. Сквозь открытые окна из сада веяло осенней свежестью и запахом яблоков. Ольга хлопотливо разливала чай... Мы с Радилковым опять разговорились» [4, с. 43–44] («Мой сосед Радиллов»). Но и оно изменяется. Дворяне, «повидавшие свет», вводят в обиход европейские традиции, которые не особо приветствуются окружающими, нарушают обычный семейный и дружеский уклад: «... он [молодой помещик, гвардейский офицер в отставке, Аркадий Павлович Пеночкин] не хотел меня отпустить без завтрака на английский манер (у него «дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски» [4, с. 100] – *А. Р.*) и повел к себе в кабинет. Вместе с чаем подали нам котлеты, яйца всмятку, масло, мед, сыр и пр. Два камердинера, в чистых белых перчатках, быстро и молча предупреджали наши малейшие желания» [4, с. 101]. Принимал гостей

Пеночкин ласково, но, по словам рассказчика, «все-таки неохотно к нему едешь» [4, с. 100].

Крестьянам, как правило, распивать чай некогда да и не за что. Зажиточные крестьяне чаевничают по праздникам, особым случаям или во время завтрака / обеда: «– Самовар тебе готов, – сказал он (Хорь – А. Р.) мне с улыбкой, – пойдём чай пить. Мы уселись около стола. Здоровая баба ... принесла горшок с молоком» [4, с. 9] («Хорь и Калиныч»); «Мельничиха принесла нам молока, яиц, картофелю, хлеба. Скоро закипел самовар, и мы принялись пить чай» [4, с. 18] («Ермолай и мельничиха»).

«Мужское» холостяцкое чаепитие сопровождается употреблением горячительных напитков: «А в гостиной уж самовар на столе. И ямайский тут же стоит: в нашем деле без этого нельзя» [4, с. 34] («Уездный лекарь»); «он пил чай, смеялся,.. Позавтракавши плотно и с видимым удовольствием, Аркадий Павлыч налил себе рюмку красного вина» [4, с. 101] («Бурмистр»); «... самовар в четвертый раз появился на столе. Я достал бутылку рому. Я не ошибся. Приняв моего собеседника за мелкопоместного дворянина... Мы разговорились» [4, с. 185] («Петр Петрович Каратаев»).

Чайный обряд включает ритуальные знаки-жесты (разжигание и внесение самовара, разливание чая), речевые клише («хлопотать за чаем», «чай готов», «откушать чаю», «самовар поставить»), особые атрибуты символы (самовар, чайная посуда). Но в такие приметы время и социальные условия вносят свои коррективы. Большинство героев «Записок охотника» – люди небогатые, поэтому и чай пьют, где придется: в доме, трактире, на пасеке, в конторе; и не всегда из чайного сервиза; и в крестьянском быту без варенья, а со сливками или молоком, с баранками: «... работник на траве подле реки наставил самовар и, присев на корточки. Начал усердно дуть в трубу...» [4, с. 18] («Ермолай и мельничиха»); «малый в сером кафтане ... расположил на старом ломберном столе самовар, чайник, стакан с разбитым блюдечком, горшок сливок и связку болховских котёлок, твердых, как кремень» [4, с. 114] («Контора»). Только в России чай пьют особым образом: «Мардарий Аполлоныч только что донес к губам налитое блюдечко и уже расширил было ноздри, без чего, как известно, ни один коренной русак не втягивает в себя чая...» [4, с. 139] («Два помещика»).

Оборотной стороной русского чайного обряда становится низкая его культура. В цикле Тургенева – это чаепитие впопыхах, в трактире, кофейной: «купцы с мучительным напряжением пили чай» [4, с. 192] («Петр Петрович Каратаев»); «все на биллиарде играл да чайничал, на гитаре бренчал, по присутственным местам шмыгал» [4, с. 56] («Однодворец Овсянников»). Часто такое чаепитие сопровождается винопитием. «Пустой» чай становится рутиной жизни студентов: «вот уж и вечер; вот уж заспанный слуга и натягивает на тебя сюртук – оденешься и поплетешься к приятелю и давай трубочку курить, пить жидкий чай стаканами да толковать о немецкой философии, любви, вечном солнце духа и прочих отдаленных предметах» [4, с. 215] («Гамлет Щегровского уезда»).

Таким образом, в «Записках охотника» И. С. Тургенева чаепитие является знаковой ситуацией и приобретают богатую семантику, позволяющую рассматривать его как элемент русского быта, сознания и национальной ментальности. Хотя писатель и продолжает «чайные» традиции русской литературы первой половины XIX века, в его цикле прослеживаются трансформация чайного мотива, связанная со сменой социально-бытового и социально-исторического контекста.

Литература

1. Завязкина И. Н. О некоторых особенностях русской чайной традиции (лингвокультурологический аспект). *Acta Linguistica*. Sofia, 2007. Vol. 1. № 2. S. 65–74.
2. Поддубная Р. Н. Чаепитие и не только (гастрономические мотивы у Достоевского). *Достоевский и мировая культура: альманах* / гл. ред. К. А. Степанян. № 2. Москва, 2007. С. 256–269.
3. Сахаренко А. Русское чаепитие. Москва: Просвещение, 2005.
4. Тургенев И. С. Записки охотника. Отцы и дети. Ил. А. Я. Ляшенко. Москва: Правда, 1986. 448 с.
5. Шеховцова Т. А. Чаепитие по-добычински. *Шеховцова Т. А. Проза Л. Добычина: маргиналы русского модернизма: монография*. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2009. С. 96–105.
6. Шеховцова Т. А. Чаепитие в Сумах и не только. *Шеховцова Т. А. «У него нет лишних подробностей...»: Мир Чехова. Контекст. Интертекст*. Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. С. 86–96.
7. Якушева Л. А. русское чаепитие как текст повседневной культуры. *Обсерватория культуры*. Москва, 2009. № 3. С. 108–111.

Ледняк Ю.

– кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Донбасского государственного педагогического университета

Ледняк А.

– старший преподаватель кафедры иностранных языков Донбасского государственного педагогического университета

Писаренко В.

– студентка IV курса англо-русского отделения филологического факультета Донбасского государственного педагогического университета

УДК 821.161.1-312.9.09"18"

«СОН СМЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

В статье исследуется своеобразие фантастики рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека». Рассматривается место и роль фантастического элемента в произведении, особенности его включения в ткань повествования, мировоззренческий характер, связь с идейно-тематической основой произведения и – шире – с рядом важнейших тем и мотивов творчества писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, фантастика, своеобразие фантастики, жанр, мениппея.